

сергей мохов

ИСТОРИЯ СМЕРТИ

как мы боремся
и принимаем

Individuum

УДК 316.4+316.7

ББК 60.55.57

М86

Мохов, Сергей Викторович.

М86 История смерти. Как мы боремся и принимаем / Сергей Мохов. — М.: Individuum, Эксмо, 2026. — 232 с.: ил.

ISBN 978-5-6044580-7-5

Мы знаем, чем все кончится. Но что определяет наше отношение к своей и чужой смерти? Этой проблеме посвящена новая работа социального антрополога Сергея Мохова. Почему мы оплакиваем незнакомых нам знаменитостей, а споры об эвтаназии по-прежнему не утихают? Из-за чего трагические события вроде пожара в кемеровском ТЦ раскалывают соцсети и как в XXI веке меняются наши представления об уходе близких из жизни и бессмертии? Все эти вопросы вплетаются в историю идей от древних мифов до современных техноутопий, и самое время попробовать в них разобраться, потому что, когда мы говорим о смерти, на самом деле речь всегда идет о жизни.

УДК 316.4+316.7

ББК 60.55.57

© Сергей Мохов, 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020, 2026

ISBN 978-5-6044580-7-5

Individuum®

Оглавление

Предисловие	7
Глава I. Горе и скорбь: как и почему мы оплакиваем умерших	11
Что такое горе	13
История научного понимания утраты	15
Развитие идей Дарвина и Фрейда	20
Причины популярности биологического понимания горя в XX веке	25
Горе как часть культуры	29
Горе и скорбь в XXI веке. Медикализация, индивидуализация и феминизм	34
Войны за горе: как скорбеть, чтобы никого не обидеть	41
Глава II. Право на смерть и обязанность жить: история эвтаназии	47
Как и когда возникли дебаты о достойной смерти	49
Проблема первая: биологическая граница между жизнью и смертью	56
Проблема вторая: социальная граница между жизнью и смертью	60
Проблема третья: права индивида	63
Проблема четвертая: достоинство и милосердие	70
Проблема пятая: контекстуальность смерти	74
Достоинство, права человека и смерть в России	76
Глава III. Между телом и душой: как появилась паллиативная помощь ...	81
Неизлечимые болезни: <i>ars moriendi</i> и <i>cura palliativa</i>	82
Боль неприятная и боль недостойная	87
Сестры милосердия и первые хосписы	93
Послевоенная гуманизация на Западе	100
Невидимая смерть в Советском Союзе	104
Неолиберальная идеология и пациент как потребитель	109

Глава IV. Новые лики бессмертия: от идеи воскрешения до цифровых клонов	113
Бессмертие как главная проблема человечества	116
Вечная душа в ненужном брэнном теле	117
Тело становится нужным	121
Бессмертие в XX–XXI веках	125
Борьба за сохранение тела	127
Цифровое бессмертие	134
Будущее бессмертия	139
Глава V. Смерть в поп-культуре	143
Black metal: сатанизм как новый романтизм	145
Серийные убийцы	153
Зомби-апокалипсис	161
Глава VI. Перезахоронения и борьба за права мертвецов	169
Средневековая некрополитика: спасение и наказание	172
Дисциплинируя мертвецов	176
Мертвые тела в процессе гуманизации	180
Перезахоронение и эксгумация	184
Глава VII. Позитивное отношение к смерти	193
Что не так со смертью	197
Современное общество начинает разговор о смерти	201
Отрицание отрицания смерти	207
Смерть и критика современности в России	211
Послесловие	215
Список литературы	219
Список иллюстраций	231

Предисловие

Что такое смерть? Многих этот, казалось бы, простой вопрос ставит в тупик. Не верите? Попробуйте дать на него максимально исчерпывающий ответ. Получилось?

Когда я спрашивал об этом студентов курса, который читаю на базе просветительского проекта InLiberty, они спорили друг с другом и предлагали самые разные определения. Одни говорили о физиологических критериях смерти: остановке дыхания или сердцебиения, смерти мозга. Другие обращали внимание на социальный аспект: смерть для них – невозможность быть частью общества (например, в результате деменции), тотальное одиночество, потеря способности работать и творить. Третьи были уверены, что смерти не существует, потому что физическая смерть есть начало новой духовной жизни.

Этот вопрос становится еще сложнее, когда мы говорим не только о самом факте смерти, но и о связанных с ним явлениях: болезни и старости, горе и похоронах, самоубийстве и эвтаназии, памяти об ушедших и изображении смерти в поп-культуре. Часто сама смерть в этих дискуссиях отходит на второй план. Например, когда мы спорим об эвтаназии, то постоянно спотыкаемся о философские противоречия: где пролегают границы свободы личности? Как должны выстраиваться отношения гражданина и государства?

Разговор же о бессмертии и возможностях его обретения невозможен без дискуссии о том, что такое человек: может ли он оставаться личностью без физического тела? Можно ли считать человеком киборга? А обсуждение публичной скорби сопровождается ожесточенными спорами о правильных и неправильных реакциях на утрату. В общем, неожиданно оказывается, что

смерть выступает поводом говорить о том, что действительно нас волнует, — то есть о жизни.

Это хорошо видно на примере последних событий. Весной 2020 года, когда эта книга готовилась к выпуску, грянула пандемия коронавируса. Ее последствия нам только предстоит оценить, но уже сейчас видно, как смерти от новой болезни — потенциальные и реальные — стали предметом публичных дискуссий. Люди принялись обсуждать, как меры защиты населения от вируса повлияют на права человека, будущее демократии и биополитику. Оправдан ли карантин, тормозящий экономику? Нужно ли обрекать миллионы людей на снижение качества жизни ради снижения темпов распространения смертоносного заболевания? Где начинаются полномочия современных государств и где граница, за которой они больше не могут распоряжаться телами своих подданных? Как и какие неравенства связаны с эпидемией? Так, говоря о потенциальной смертельной опасности, мы на самом деле стали обсуждать наши общества и государства, благополучие и привычный образ жизни.

В этой небольшой книге я попытаюсь показать, как развивался язык, на котором о смерти сегодня говорят люди европейской культуры, и какие социально-политические изменения на нем сказались. Я расскажу, как бессмертие связано с картезианской философией; как популярная в последние годы тема должного ухода за умирающими связана с появлением профессии медицинской сестры и изобретением морфина; как практики политических перезахоронений соотносятся с расцветом гуманизма. Свои тезисы я проиллюстрировал примерами из современной жизни, поп-культуры и иногда — личного опыта.

В книге затронуты семь магистральных тем: некрополитика; горе и скорбь; право на жизнь; уход за умирающими; бессмертие; смерть в современной поп-культуре; рост публичных инициатив, связанных со смертью. В последовательности глав нет строгой логики, некоторые утверждения повторяются из главы в главу, что делает книгу похожей скорее на сборник эссе о смерти

и умирании. Я рекомендую обращать внимание на сноски и список использованной литературы, так как эта работа – одна из первых подобных на русском языке, а потому может послужить подспорьем для самостоятельного изучения темы, в том числе по зарубежным источникам.

Горе и скорбь: как и почему мы оплакиваем умерших

Я помню жаркий день в конце июля 2000 года. Мне было десять. Мать сообщила мне о смерти отца. Стоя передо мной на коленях и глядя мне прямо в глаза, она выдавила: «Папы больше нет». Ее признание поставило меня в тупик. Я не чувствовал ни сожаления, ни желания заплакать. Пожалуй, единственной моей эмоцией в тот момент было замешательство: я не знал, что именно должен чувствовать и как реагировать. Я смотрел на мать пустыми рыбьими глазами и просто молчал. Это молчание могло бы длиться вечно, но, на мое счастье, приехало такси. Мы сели в машину, уставились каждый в свое окно, и неловкость отпустила.

Спустя несколько дней мы отправились на поминки на деревенское кладбище. К тому времени отец был уже в земле. Вокруг свежей могилы стояла толпа незнакомых мне людей. Мужчины в красивых пиджаках важно пожимали друг другу руки, женщины семейства плакали и тихо причитали. В воздухе едко пахло летним кладбищем: затхлой водой и старыми цветами. Меня подвели к могиле. Я очень боялся повторения своего эмоционального конфуза и показательно заревел. Я давил из себя слезы, истерично орал, брыкался и дергал мать за платье. Незнакомые люди тут же окружили меня и принялись успокаивать и жалеть.

В тот момент я спасся от уже знакомой мне неловкости плачем, но парадоксальным образом она осталась со мной на всю

жизнь. Мысленно я часто возвращаюсь в тот день. Что было бы, если бы я не заплакал? Как и почему я почувствовал смущение от своей внешней холодности? Означало бы отсутствие плача, что я не переживаю всю горечь утраты? А если бы я не горевал, означало бы это, что со мной что-то не так?

Эти вопросы – не из области психотерапии или самокопания. И они касаются не только меня. В последние годы я часто наблюдаю за спорами в интернете, которые разгораются после терактов, авиакатастроф, смертей знаменитостей и обычных людей. Пользователи социальных сетей с остервенением обсуждают «правильность» публичных реакций на крушение самолета над Черным морем, в котором погибли знаменитая правозащитница доктор Лиза и 65 участников Академического ансамбля песни и пляски Российской армии имени А.В. Александрова. Или на смерть певицы Жанны Фриске. Или на пожар в кемеровском торговом центре «Зимняя вишня». Появились даже специальные термины, связанные с феноменом горевания, например, *grief shaming* (позорить кого-то за неправильное выражение чувств). Кажется, горе и скорбь имеют для нас куда большее значение, чем мы привыкли думать.

Мои наблюдения подтверждают цифры: за последние 60 лет терминов, которые имеют отношение к описанию чувства утраты, стало втрое больше*. Если ввести в поисковике «*grief*» по-английски или «горе» по-русски, в выдаче окажутся сотни сайтов с информацией о том, как именно нужно справляться с горем. Вы можете делиться своими переживаниями в формате блога**; обсуждать свои чувства в группах поддержки; найти множество советов, как пережить любую утрату, будь то родной сын или любимый пес. Существуют даже терапевтические статьи для экологических активистов, горюющих о безвозвратном таянии арктических снегов***.

* *Walter, T. What Death Means Now: Thinking Critically About Dying and Grieving. Bristol, U. K.: Policy Press, 2017.*

** Например, на порталах *grief.com* и *whatsyourgrief.com*.

*** *Cunsolo, A., Ellis, N. R. Ecological grief as a mental health response to climate change-related loss // Nature Climate Change. 2018. № 8(4). С. 275–281.*

Или для тех, кто принял слишком близко к сердцу последствия пожара в соборе Парижской Богоматери.

Почему мы уделяем горю и скорби столько внимания? Зачем все советуют другу другу, как именно переживать утрату? Откуда вообще у нас мысль, что горе надо проживать как-то по-особенному? Почему то, как мы реагируем на утрату, становится причиной публичных обсуждений и конфликтов?

Что такое горе

Чтобы разобраться в этом, я предлагаю начать с простого вопроса: что мы вообще знаем о горе? Принято считать, что оно — некая естественная человеческая реакция на факт любой утраты, то есть на факт разрыва связи с кем-либо или с чем-либо. Речь идет не обязательно о смерти или расставании с близким человеком: это может быть утрата работы, привычного и любимого предмета вроде детской игрушки или даже какого-то навыка (например, когда спортсмен или музыкант из-за травмы теряет способность кататься на лыжах или играть на виолончели). Обо всем этом можно горевать.

Один из классиков изучения смерти, психолог и социальный антрополог Роберт Кастенбаум выделяет несколько видов утрат:

1. потеря контроля над ситуацией или способности анализировать ситуацию;
2. потеря опыта, социальных функций (лишение привычной работы или роли в семье);
3. потеря телесных возможностей;
4. утрата способности к заботе;
5. потеря отношений и объекта любви*.

* *Kastenbaum, R. Death, society, and human experience. Boston, MA: Pearson/Allyn and Bacon. 2007.*

История с хвостом ослика Иа-Иа из книг про Винни-Пуха – замечательный пример реакции на утрату части тела. Герой сказки где-то потерял хвост, который ему крайне дорог, и на протяжении многих страниц пытается справиться с меланхолией, вызванной его новым статусом «осла без хвоста». В знаменитой сказке Корнея Чуковского «Федорино горе» описывается реакция горевания, связанная с бытовой утратой: от героини сбежала кухонная утварь. Старуха Федора громко плачет и причитает, раскаиваясь в своем легкомысленном отношении к материальному миру и сокрушаясь о сложных временах, которые ждут ее теперь. Собственно, стон и плач Федоры и есть то самое «горе» – реакция на утрату, пусть и всего лишь сумасбродной посуды.

Разумеется, между реакцией на утрату любимой вещи и гореванием о смерти близкого человека есть существенная разница. Та же Федора в своем причитании умоляет посуду вернуться и начать все сначала: *«Ой вы, бедные сиротки мои, / Утюги и сковородки мои! / Вы подите-ка, немытые, домой, / Я водою вас умою ключевой. / Я почищу вас песочком, / Окачу вас кипятком, / И вы будете опять, / Словно солнышко, сиять...»*, а ослик Иа-Иа расспрашивает встречных о своем хвосте. И Федора, и Иа-Иа не теряют надежды вернуть утраченное. Смерть же всегда предполагает безвозвратную потерю связи с субъектом, то есть с умершим человеком. Даже для тех, кто верит в загробную жизнь, эта потеря ощутима: безвозвратно утерян физический контакт, остается надежда лишь на спиритуальный.

Суммируя эти различия, можно сказать, что горевание об умершем – это выраженная в словах или действиях реакция на такую утрату связи с человеком, которую невозможно компенсировать и обратить. Но как работает горе? Что мы знаем о нем?

История научного понимания утраты

Долгое время, вплоть до Реформации в XVI веке, горе осмыслялось исключительно в религиозной парадигме, причем не только в средневековой Европе, но и в Древней Греции и Риме. Примеры горевания встречаются на картинах художников и в работах скульпторов, также мы узнаем о горе из мифов, преданий и литературы: например, в мифе об Икаре и Дедале оплакивают Икара, а в трагедиях Эсхила и Софокла скорбящий Агамемнон приносит в жертву собственную дочь Ифигению. В Средние века горе было синонимично печали и унынию, а значит, считалось грехом. Добропорядочному христианину полагалось избегать таких чувств, а если они и приходили, с ними следовало бороться – ведь очевидно, что Господь мог послать их человеку только в назидание. Выражение чувств, связанных с утратой, допускалось только в рамках поминального ритуала, например, во время чтения заупокойных молитв.

Движение Реформации, спровоцировавшее секуляризацию всех сторон жизни, постепенно изменило и восприятие горя. Из исключительно религиозного чувства оно превратилось в преимущественно физиологическую реакцию. Способствовали этому процессу и становление медицинского знания, и возрастающий интерес к человеческому телу, которое стало восприниматься как отдельная от души сущность. Первое научно-философское осмысление горя в отрыве от религиозного контекста предложил английский врач Тимоти Брайт. Герой его «Трактата о меланхолии» (1586 год) пытается рассуждать о границах заглавного чувства, а Брайт задается вопросом: где в меланхолии работа его разума, а где – ниспосланное в назидание Господом чувство? Есть мнение, что Уильям Шекспир прочитал книгу Брайта и вдохновился на создание некоторых своих персонажей: например, Антонио из «Венецианского купца» (1600), Жака из «Как вам это

понравится» (1623) и даже Гамлета*. Горе начинает отрываться от религии и становится проблемой тела и мышления.

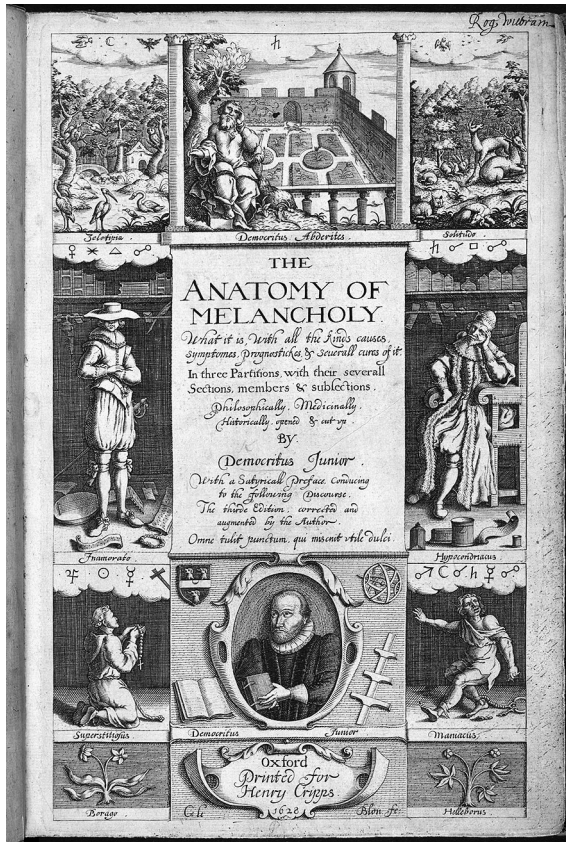
Следующей знаковой для понимания горя книгой была вышедшая в 1621 году «Анатомия меланхолии», написанная английским священником и ученым Робертом Бёртоном**. Для Бёртона горе – чувство, сложно отделимое от других скорбных эмоций (той же меланхолии). Он рассматривает его как заболевание, от которого можно излечиться, но которое рано или поздно пройдет само. Работа Бёртона характерна для своей эпохи – времени зарождения рационализма, когда любые эмоциональные порывы рассматриваются сквозь призму науки и прагматичного взгляда на человеческое тело. Не случайно и слово «анатомия» в названии его книги – оно отсылает к распространяющимся в Европе практикам препарирования человеческого тела в интересах науки. Представление о горе как о болезни надолго закрепляется в европейской культуре. Например, в британских свидетельствах о смерти XVII–XIX веков горе часто упоминают как причину смерти вдов, которые, как считалось, особенно тяжело переживали утрату близкого человека. А в начале XIX века американский врач и общественный деятель Бенджамин Раш советовал горюющим пациентам кровопускание, слабительное и опиум, считая затаившееся состояние горя серьезной угрозой для здоровья***.

Постепенно представления о горе становятся частью научно-позитивистского взгляда на мир, в котором все, включая эмоции, должно иметь рациональное логичное объяснение. В XIX веке все ученые заняты классификациями: появляется периодическая таблица химических элементов Дмитрия Менделеева, расцветает жанр ботанических альбомов. Порядок и классификации царят не только в науке: XVIII и XIX века стали временем

* Сюами, А. Елизаветинская Англия. М.: Вече, 2016. С. 333–334.

** Книга переведена на русский язык. Анатомия меланхолии / перевод, статьи и комментарии А.Г. Ингера. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

*** *Rush, B. Medical Inquiries and Observations Upon The Diseases Of The Mind. Grigg, 1830.*

Титульный лист книги Роберта Бёртона «Анатомия меланхолии» (1628). Книга подписана псевдонимом Демокрит-младший, автор дополнял ее вплоть до смерти в 1640 году. Содержит множество отсылок, лирических отступлений и даже анекдотов и личных историй

солдатской муштры, культа этикета, распространения униформы и строгого воспитания. Главный принцип: всему должно быть свое место и свое объяснение.

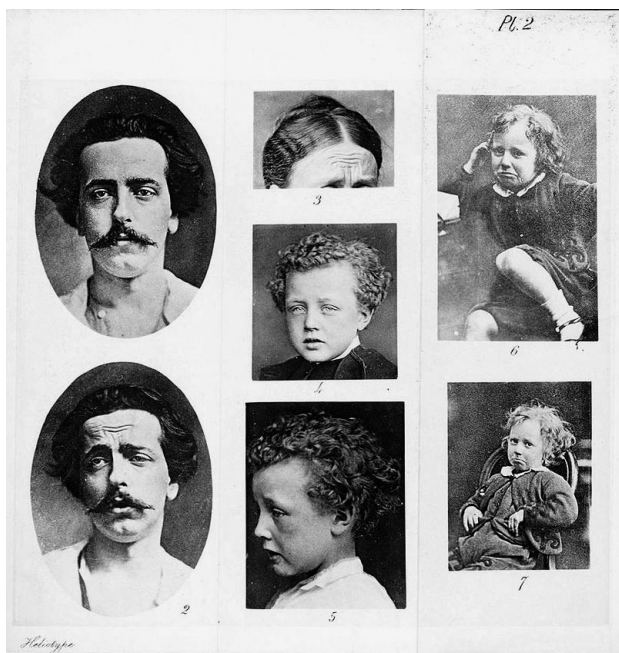
На этой волне в 1872 году Чарльз Дарвин публикует работу «Выражение эмоций у человека и животных» («The Expression of the Emotions in Man and Animals»), в которой обстоятельно

занимается своим любимым межвидовым сравнением. Среди прочего он описывает и скорбные эмоции через их фиксируемые физиологические проявления – мимику, жестикуляцию и другие реакции тела. Дарвин не делает однозначных выводов о природе горя и нормальности такого состояния, он лишь описывает, как выглядят разные стадии горевания, и отмечает схожесть проявлений горя у людей и обезьян*.

Для ученых это послужило сигналом к окончательному признанию того, что горе – прежде всего биологически обусловленная реакция. Дарвинизм имел огромное влияние на культуру и общественную мысль с XIX до второй половины XX века, в том числе в достаточно социальных вопросах – экономике, науках об обществе, медицине. Объясняя развитие мира сквозь призму эволюционных процессов, дарвинизм предполагал и поступательное движение вперед всего человечества. Концепция отлично сочеталась с популярной в то время философией утилитаризма, смысл которой заключался в умножении удовольствия. В итоге эволюция понималась обществом буквально – как движение человечества в светлое будущее, лишённое страданий, в том числе и горя. Дарвиновская идея о том, что способность горевать есть у человека с рождения и что это биологическое свойство нашего вида, быстро распространилась и стала аксиомой.

Закрепился этот взгляд на горе еще и благодаря небольшому эссе Фрейда «Печаль и меланхолия», вышедшему в 1917 году и ставшему чрезвычайно популярным. Психоаналитик описывал главные закономерности поведения людей, переживающих горе, – например, отрицание факта утраты – и делал вывод, что горевание есть процесс смирения с новыми обстоятельствами. Центральным для Фрейда был тезис о спокойствии психики как ее нормативном состоянии: человек всегда стремится минимизировать остроту переживаний, а потому все, что вызывает у него беспокойство и причиняет боль, подлежит устранению.

* *Darwin, C.R. The expression of the emotions in man and animals. John Murray, 1872.*

Горе. Иллюстрация из книги Чарльза Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных». В оригинальном издании несколько десятков иллюстраций, в числе которых зарисовки, диаграммы, фотографии за авторством анатома Фридриха Генле, работы живописцев Брайтона Ривьера и Йозефа Вольфа

Современный философ и исследователь психоанализа Жюли Реше полагает, что Фрейд лишь транслировал общие современные гуманистические установки на всеобщее человеческое счастье, согласно которым каждый индивид рассматривается как существо, по умолчанию стремящееся к благополучию, безмятежности и праздному образу жизни. На таких вводных формируется «позитивная школа» психоанализа.

Показательно, что теоретическое обоснование горевания Фрейд разработал до того, как сам пережил несколько личных потерь. В 1920 году умерла его дочь, в 1923-м – внук. Позднее в письмах другу Людвигу Бинсвангеру он признавался, что

горе безутешно и остается с человеком навсегда, а не вытесняется бесследно, как он полагал ранее*. Идеи Фрейда были тесно связаны с работами советской исследовательницы Сабины Шпильрейн. В диссертации «Влечение к смерти» она разрабатывала понятия «мортидо» (влечение к смерти) и «либидо» (влечение к жизни), которые позже позаимствует Фрейд.

Именно с работ Дарвина и Фрейда начинается модерновая традиция изучения горя, которая перейдет и в современную науку. XIX век закрепил природу переживания горя за физиологией человека, особенностями работы его мозга; аффективные проявления горя стали восприниматься как примордиальные реакции человека, которые диктует ему его тело**.

Развитие идей Дарвина и Фрейда

Следующей знаковой психоаналитической работой после «Меланхолии» Фрейда стала книга Эриха Линдемманна «Клиника острого горя»***. В начале 1940-х психиатр Линдемманн исследовал родственников погибших в бостонском ночном клубе Cooanut Grove. В ночь на 28 ноября 1942 года после футбольного матча болельщики и игроки отправились отдыхать в это заведение.

* *Archer, J. The Nature of Grief: The Evolution and Psychology of Reactions to Loss. Routledge, 1999.*

** *Bereavement: reactions, consequences, and care / ed. by M. Osterweis, F. Solomon, M. Green / Глава 6. Toward the biology of grieving. Committee for the Study of Health Consequences of the Stress of Bereavement. National Academy Press, 1984.*

Granek L. Grief as pathology: The evolution of grief theory in psychology from Freud to the present // History of Psychology, 2010. № 13 (1). С. 46–73.

Brinkmann, S. The grieving animal: Grief as a foundational emotion // Theory & Psychology. 2018. № 28(2). С.193–207.

*** *Линдемманн, Э. Клиника острого горя. Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.*